

нил. Пробормотав нечто нечленораздельное, но явно ругательного содержания, Су-Та заковылял к Большому костру — поддержать огонь.

И вдруг вождь ни с того ни с сего, словно кто неведомый приказал ему, стал напряжённо следить за передвижениями калеки. Сколько раз он наблюдал эту его странную походку, слышал жуткое полудыхание-полусвист, вырывающийся из продавленной груди Су-Та! И ничего. А тут, этим утром...

Необычные, вертлявые, скользкие мысли зародились в голове вождя. И все — он уверен — связанные накрепко с судьбой племени, с его выживанием. Да вот беда, никак их не ухватить. Пока он старательно морщит лоб, след простывает проклятых мыслей.

Погоди-погоди, вождь... А вспомни-ка, где и как изувечил себя Су-Та? Конечно же, неожиданно провалившись на весенней охоте в заброшенную медвежью берлогу, к тому же изрядно углублённую тальми водами. И даже сохрани он тогда ноги, вряд ли бы без посторонней помощи выбрался из той ямы-западни.

жились с тех стародавних времён в среде двуногих.

Не зря говорят: единожды оступившись...

Чудовище

Го-Май любил мясо.

Не так, понятное дело, как любил его вождь, Ту-Си. Тот при случае, чего греха таить, прямо-таки объедался сочной оленьиной. Мог в один присест съесть половину туши жареного на вертеле двухтравного самца. Съесть — и ещё не насытиться. Поэтому как и сам был чрезмерно, чрезвычайно велик и объёмен. Можно даже сказать, необъятен.

А уж бездонная утроба его легко могла бы принять в себя, вместить и вторую половину оленя. Но вождь был на диво справедлив и человечен. И потому частенько ходил не то что бы голодным, но уж вдоль не наевшимся — это точно.

Так вот, Го-Май любил мясо. Но однажды случилось так, что он, при всей своей любви к упомянутой еде, половину пола-

говорится. Казалось бы, отдал кусок, ну и ладно — будто собаку приласкал лишний раз. Но нет! Все вокруг стали смотреть на него, как на опасного смутьяна, как на безумца, от которого не знаешь, чего ожидать в обозримом будущем. К тому же, видать, тот полубыблётый уже случай вспомнили, когда несколько лун назад сподобился Го-Май совершить уж вовсе неслыханный ранее в их краях поступок: он не добил, как полагалось, поверженного в битве врага-иноплеменника, а отпустил его с миром. Да ещё имел наглость рассказать позже об этом колдуну!

Порядку ради всё же следует внести здесь одно важное уточнение: Го-Май направился тем душным вечером к пещере колдуна в большом смятении душевном, в расстроенных чувствах — как же он так оплошал-то с врагом, что же это приключилось с ним такое? Колдун принял щедрое подношение охотника с немалым достоинством, правда, и не без удовольствия. И честно втолковывал Го-Маю аж до заката дневного светила все известные ему от предков — таких же колдунов — заветы,

сильная рука его крепко сжимала древко копыя, уже нацеленного в сердце, казалось, беспечно дремавшего зверя.

Но что это? Метнув копые, Го-Май тут же ощутил, каким слабым получился бросок. Вместо того чтобы намертво впитаться в средоточие волчьей жизни, острый наконечник оружия лишь вяло воткнулся в почти что каменное, покрытое броней мышц туловище хищника. Оскалив жёлтые клыки, грозно рыча, волк одним прыжком перемахнул через дерево и скрылся в зарослях тальника.

Го-Май был не просто ошарашен-оглушён своим промахом, он был сражён наповал. Хотя никто и не проронил обидного для него слова, молодой охотник сразу почувствовал себя изгоем, отщепенцем. Ведь он упустил не только редкую и ценную добычу, теперь он — и только он! — будет повинен в новых страшных бедах, что ожидают его соплеменников. А волк начнёт мстить, и мстить жестоко. В этом никто не сомневался. На то он и умный, могучий зверь.

Необычно молчаливыми, угрюмо задумчивыми вернулись охотники в пещеру. Никто в тот день так и не заикнулся о следующей облаве, о найденных близ недалёкого говорливого ручья свежих лосиных следах. Го-Май же от охватившего его отчаяния не находил себе места. Ночью то и дело вскакивал с тёплой лежанки, чтобы, скрипя зубами, бесцельно и подолгу бродить по тёмной и холодной глубине пещеры. И вдруг его будто осенило: в непростительном и позорном промахе виноват старик-приживала! Го-Май был голоден, а голод — об этом известно любому малютке! — тот ещё помощник в охоте. Как же долго он доходил своим тупым умишком до столь простого, прямо на поверхности лежащего объяснения...

Го-Май яростным рывком поднял старика с жалкой его постели и, весь поддавшись гневному порыву, хлёстко ударил беспомощного калеку по лицу. Тот беззвучно, подстреленным олененком, рухнул на землю и тихо-тихо, будто про себя, горько заплакал. Глядя на его тщедушное тельце, на мелко подрагивающие худые плечи, Го-Май сначала не испытывал никакой жалости. Вид заслуженно наказанного не должен пробуждать в человеке иных чувств, кроме как чувство праведного презрения.

И тут случилось нечто и вовсе не понятное. Внезапно Го-Май почувствовал, как в груди его зародился-затрепетал какой-то крохотный тёплый комочек. Постепенно он стал расти, потихоньку, но верно согревая своим нежным дыханием заледеневшее от гнева и холода тело молодого охотника. И приятная лёгкая судорога прошла по всей плоти его, и сами по себе широко раскрылись глаза, с недоумением и болью уставившиеся в руку, посмевавшую обидеть безвинного человека.

«Что это со мной? — с тревогой и страхом думал Го-Май. — Чудовище, получается, сумело овладеть не только моим духом, но и телом. Я весь отныне в его власти. Я стал немощен, и с этой ночи вид мой будет вызывать у соплеменников лишь презрительность. Некогда первый воин и охотник племени, я потерял всё своё мужество и доблесть. И злые беззубые старухи будут смеяться надо мной, и будут правы...».

Но размышлял так его холодный разум, а сердце — или то, что поселилось в нём, — велело Го-Маю склониться над плачущим стариком, бережно поднять его и отвести к костру. И там молодой охотник раздул огонь, принёс из отложенных на зиму припасов немного сушёного мяса и угостил увечного бедолагу.

* * *

И не стал после этого Го-Май, как опасался, всеобщим посмешищем. Он так же гордо нёс свою голову, так же крепко и надёжно стоял на ногах, так же верна была его рука. И многие его соплеменники, видя это, пытались подражать молодому охотнику.

* * *

Вот так впервые в Подлунном мире проявила себя Совесть...

А что, если?.. Яма... Яма! Им нужно выкопать яму и загнать туда Ревущего исполина. И тогда — вместе с сушёной оленьиной, целой горой собранных женщинами впрок съедобных кореньев — зимних припасов им вполне хватит до звонкой песни ранних капелей.

Задуманное Хо-Ту — какие тут могут быть сомнения? — путь к спасению племени. Самый верный путь, легко осуществимый замысел. Они загонят большого, сильного зверя в яму и закидают сверху тяжёлыми камнями. И всё — племя переживёт самую студёную зиму. Но... Радости не было. Хо-Ту чувствовал лишь глубокую скорбь. Вождь знал, что так, как он задумал, нельзя поступать с детьми Великого Небесного духа.

* * *

Яма получилась на славу — глубокая, умело прикрытая сверху на вид мощными, разлапистыми, на самом деле — очень хрупкими ветками. Огромный, не ожидавший подвоха зверь провалился в неё по самую макушку. Племя Белой Птицы лакомилось его мясом и жиром всю на редкость долгую зиму.

* * *

А недостойное человека свойство разума — способность к коварству — так и при-

гавшегося ему увесистого куска оленьиной отдал однокорюму старику Хо-Ру. Отдал просто так, пожалев бедного, вечно голодного попрошайку. Все охотники, конечно, смеялись над ним. Недоволен был и Ту-Си. А уж как негодовала его половина Раню! Хотя, как обычно, Го-Май первым делом поделился мясом с ней и с маленьким сыном. А этому несчастному старикану уделил часть уже от своей доли, от двойной доли удачливого добытчика.

Что подвигло его на сей неслыханный доселе поступок, Го-Май в тот злополучный день так и не понял. Знал одно: с некоторых пор в нём поселилась некая непонятная сущность, которая иногда требовала поступать не совсем так, как принято было в племени с незапамятных времён. А главной заповедью людей испокон веков считался мудрый закон выживания, принятый на веру ещё в те стародавние годы, когда на ночном небе прогуливались две луны. И гласил этот древний закон: никогда не поступай в ущерб себе, проливай пот и кровь лишь для пользы своей и близких своих.

Какого же рожна ему было делиться мясом с никому не нужным приживалой, издеваться над которым считалось среди обитателей их пещеры едва ли не правилом? Вот и думай. Но это ещё полбеды, как

установления и запреты. Добросовестно, с обязательными в подобных обстоятельствах дикими ужимками и пеной изо рта увещевал его и страдал. И, казалось, сработало же!

Но... Крепко, зная, взяли Го-Мая в оборот те неведомые силы, та жуткая своей загадочностью сущность. Свидетельство чему — новый странный поступок охотника, уже не поддающийся никакому разумному толкованию. Одарить куском жареного мяса никчёмного приживалу, которому и корешок-то сухой кидают соплеменники разве что ради забавы! Ни детей, ни близких других родичей — кому он нужен, какая выгода от его бесполезной жизни? И надо же, отличился именно Го-Май, а не кто другой. Молодому охотнику было отчего задуматься...

А рано поутру они обложили лежбище матёрого волка-людоеда. Обложили удачно, плотно. Го-Май, по праву считавшийся одним из лучших охотников, первым направился к поваленному бурей громадному дереву. Там, в прохладной тени, на мягкой моховой перине и почивал после ночных трудов свирепый хищник. Го-Май с ног до головы был натёрт-намазан особой колдовской смесью, скрывавшей его невыносимо-тяжёлый, удушливый для всякого зверья человеческий запах. И